X 1976

1 4 7

ТУ 19-32-73

0

3

студия
ДИАФИЛЬМ

ЮРИЙ КОВАЛЬ

АЛЫЙ

ХУДОЖНИК
В. Лосин

Приехал на границу молодой боец по фамилии Кошкин. Был он парень румяный и весёлый.

– „Вот что, Кошкин, – сказал командир. – Собак любишь?“ – „Я собак люблю не очень. Они меня кусают“. – „Любишь не любишь, а поедешь ты, Кошкин, учиться в школу собачьих инструкторов“.

Приехал Кошкин в школу. Старший инструктор сказал Кошкину: „Вот тебе щенок. Из этого щенка нужно сделать настоящую собаку". – „Чтоб кусалась?" – спросил Кошкин. Старший инструктор строго посмотрел на Кошкина: „Да, чтоб кусалась".

Кошкин придумал щенку имя Алый. – „Почему Алый? – удивились пограничники. – Он серый весь, даже чёрный“.

– Погодите-погодите, – отвечал Кошкин. – Вот он высунет язык – сразу поймёте, почему он Алый.

Стал Кошкин учить Алого. Бросит палку и кричит: „Апорт!" – Это значит: принеси. А Алый лежит и не думает бегать за палкой. Алый так рассуждает: „Стану я бегать за какой-то палкой! Если б ты мне бросил кость, – понятно, я бы побежал. А так, ёлки-палки, я лучше полежу".

Но кости у Кошкина не было. Он снова кидал палку и уговаривал Алого. Алый тогда поднимался и бежал в другую сторону, а Кошкин бежал за ним. Но Алый бежал всё быстрее и быстрее, а Кошкин не мог его догнать.

Прошло несколько месяцев, и Алый подрос. Он стал кое-что понимать. Теперь уж, когда Кошкин бросал палку, Алый так рассуждал: „Хоть это и не кость, а просто палка, ладно уж — принесу“.

Вскоре Алый вырос и стал совсем хорошо слушаться Кошкина. И Кошкин Алого очень полюбил. Когда Кошкин получал из дому посылку, он давал чего-нибудь и Алому пожевать. – „Если б я получил посылку, я бы тебе, Кошкин, тоже отвалил бы что-нибудь повкуснее“, – думал Алый.

Однажды Кошкин посадил Алого в пограничную машину „ГАЗ-69". В машине уже сидел старший инструктор. Алый сразу же хотел укусить старшего инструктора, но Кошкин сказал ему: „Сидеть!" – „Я, конечно, могу укусить и сидя, – подумал Алый, – но вижу, что этого делать не следует, – начальство".

У леса машина остановилась. Кошкин и Алый выпрыгнули из кабины, а следом – старший инструктор. Он сказал: „Товарищ Кошкин! Нарушена государственная граница СССР. Ваша задача: задержать нарушителя!“ – „Есть задержать нарушителя!“ – ответил Кошкин.

Кого искать, Алый сразу не понял. Он просто побежал по опушке леса, а Кошкин за ним, а старший инструктор за Кошкиным. Одной рукой Кошкин держал Алого на поводке, другой – придерживал автомат.

Алый пробежал немного вправо, потом немного влево и тут почувствовал запах — чужой, неприятный. Ого! Здесь прошёл человек! Алый взял след!

Кошкин и Алый прибежали к небольшому ручью, и здесь Алый забеспокоился. Тот человек прошёл давно, и вода, которая имела его запах, утекла куда-то далеко вниз. Теперь она пахла водорослями, камешками, проплывающим пескарём.

Алому захотелось поймать пескаря. Но пескарь спрятался под камень. Алый тронул камень, но оттуда выскочили сразу три пескаря. Тут Кошкин увидел, что Алый ловит пескаря, и сказал: „Фу!“

Скоро они выскочили на открытую поляну и увидели того, за кем гнались. Тот бежал, и оглядывался, и махал от страха руками. Огромными прыжками Алый стал нагонять нарушителя.

Алый прыгнул, пролетел по воздуху и ударил бегущего в спину. Тот упал ничком и даже пошевелиться не мог, потому что Алый придавил его к земле.

Кошкин еле оттащил Алого за ошейник. Тогда лежавший приподнялся и сказал: „Ну и собачка у вас, товарищ Кошкин! Обалдеть можно!“ – Человек, за которым они гнались, был не кто иной, как Володька Есаулов, приятель Кошкина и тоже пограничник. И всё это была пока учёба.

Старший инструктор сказал: „Собака работала хорошо. За такую работу ставлю ей отметку „четыре“. – „За что же „четыре“? – спросил Кошкин. – Надо бы „пять“. – „За пескаря, – ответил старший инструктор. – Пограничная собака не должна отвлекаться, когда идёт по следу“.

Все сели в машину, и Кошкин достал из кармана отличный сухарик и сунул его Алому в пасть. И Алый, хрустя сухарём, подумал про старшего инструктора и про Володьку Есаулова: „Вам небось после такой беготни тоже хочется погрызть сухарика, да товарищ Кошкин не даёт".

Наконец настал день, когда Кошкин и Алый попрощались со школой собачьих инструкторов. Они приехали служить на заставу. Кругом, куда ни погляди, – всё горы, горы...

Трудное дело – охранять границу. Днём и ночью ходили Кошкин и Алый по инструкторской тропе. Никому по ней нельзя ходить, кроме инструктора с собакой. Чтоб не было постороннего запаха.

Рядом с инструкторской тропой идёт широкая вспаханная полоса. Кто бы ни пошёл через границу, обязательно оставит след на вспаханной полосе. Вот Кошкин и Алый ходили по инструкторской тропе и смотрели на вспаханную полосу — нет ли каких следов?

–„Дни идут за днями, – говорил Кошкин, – а ничего особенного не происходит. На вспаханной полосе только шакальи да заячьи следы“. – „Беда невелика, – рассуждал Алый. – Не происходит, не происходит, да вдруг и произойдёт!“

Наступила весна. С гор текли ручьи из растаявшего снега и льда. На некоторых тёплых местах даже пошевеливались змеи и ящерицы. Кошкин и Алый шли по инструкторской тропе. Алый фыркал, водил по сторонам мокрым носом и был странно возбуждён.

Они спустились в ущелье, и Алый зло ощетинился. Кошкин сразу увидел следы. Огромные, чёрные,они ясно отпечатались на вспаханной полосе. Это были совсем свежие следы медведя.

Алый туго потянул поводок и пошёл по следу. Солнце поднялось выше – и ручьи заурчали погромче. „Оррк! Оррк!“ – орал в небе огромный ворон, утомлённый солнечной весной.

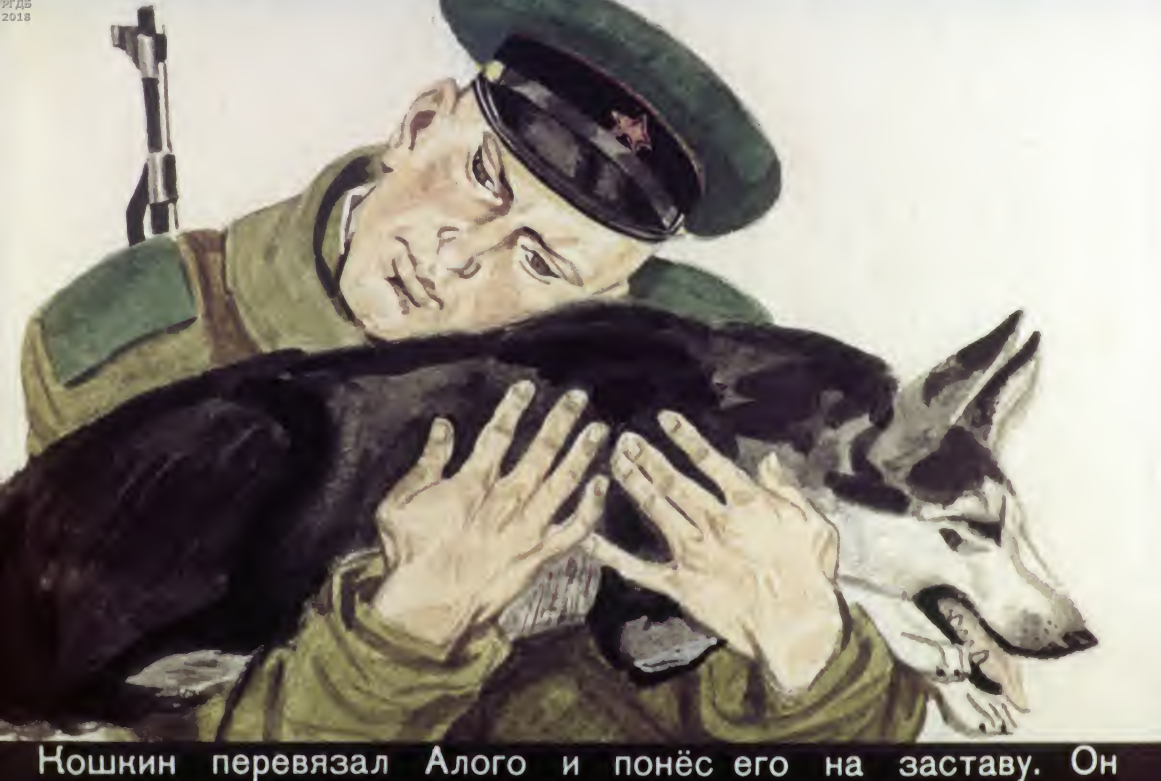
След привёл к большим камням. Огромный зверь встал перед ними. Так близко, что видны были весенние капли в блестящей шерсти.

Медведь был по-весеннему зол. Он вздыбил шерсть, замигал глазками, красными и разъярёнными, прыгнул вперёд и подцепил Алого лапой. От страшного удара Алый взлетел в воздух.

– Алый! – хотел крикнуть Кошкин, но крикнул только „А-а-а...“
Поднял автомат и выстрелил несколько раз.

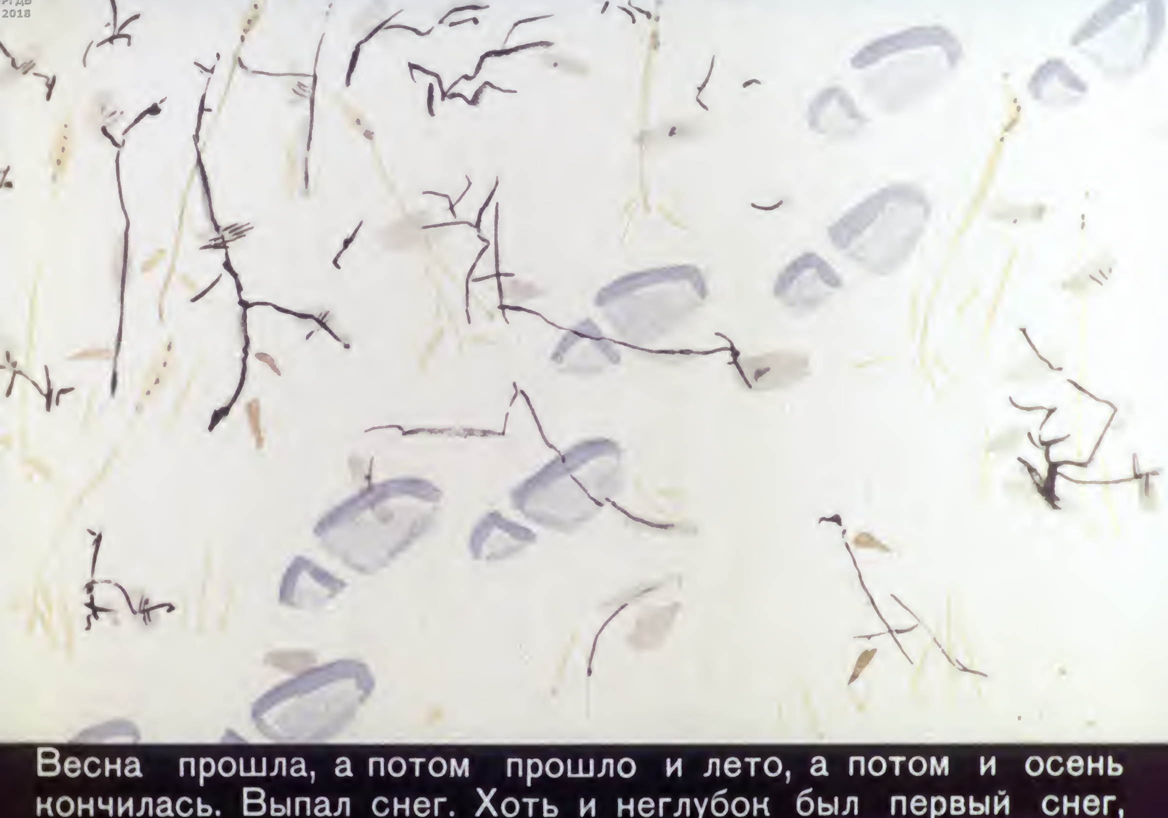
Кошкин перевязал Алого и понёс его на заставу. Он прижимался ухом к спине Алого и слышал, как невероятно быстро, не по-человечески колотится его сердце.

На заставе фельдшер промыл рану Алого и долго-долго зашивал её. „Зашивайте поскорее, – думал Алый. – Больно же...“

Когда рана поджила, Кошкин стал выводить Алого во двор заставы. Кошкин садился на лавочку и играл на гитаре, а Алый лежал у его ног, мигая на солнце.

Весна прошла, а потом прошло и лето, а потом и осень кончилась. Выпал снег. Хоть и неглубок был первый снег, на нём хорошо был виден след нарушителя.

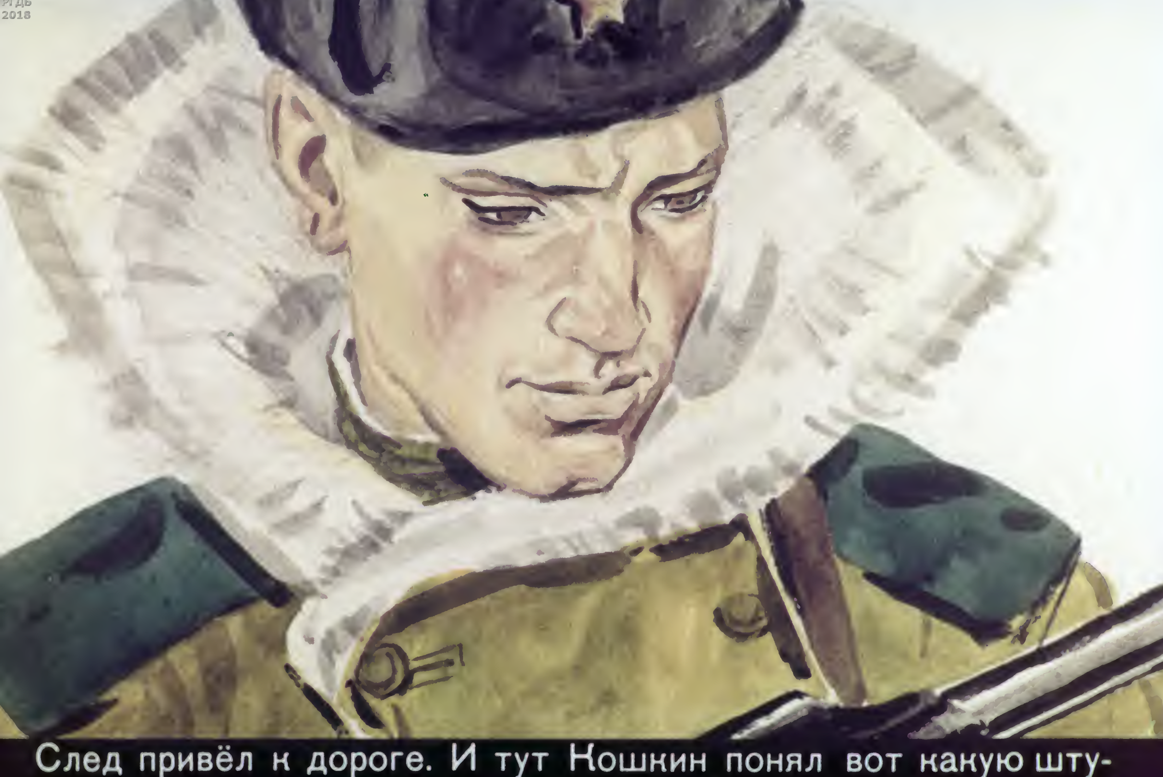
– „Тяжёлый человек прошёл“, – сказал рядовой Снегирёв про того, кто натоптал след. – „Да, – отозвался Кошкин. – Тяжеловат“.

Быстро пошёл Алый по следу. Бежит за ним Кошкин, Снегирёв чуть сзади. След – в крутую гору. Видно, что „тяжёлому“ трудновато подниматься.

Вот он споткнулся... Стоп! Разглядел Кошкин след и понял, что впереди – двое. „Тяжёлый“ тащит на себе „лёгкого“.

След привёл к дороге. И тут Кошкин понял вот какую штуку: „тяжёлый“ отпустил „лёгкого“. Тот вперёд побежал, а „тяжёлый“ его следы затаптывал.

Выбежали Кошкин и Алый за поворот – выстрел навстречу. Пуля взвизгнула об камень. Кошкин и Алый за волуном схоронились, за другим – Снегирёв.

Кошкин выглянул осторожно и увидел, как темнеет за камнем рука с пистолетом, покачивается в воздухе. Ударил Кошкин из автомата и разбил её.

Прыжок – Алый взмахнул на спину „тяжёлого“. Подбежали Кошкин и Снегирёв, связали нарушителя.

Снегирёв остался пойманного сторожить, а Кошкин и Алый побежали дальше по следу. С крутого откоса Кошкин увидел врага. Он спускался вниз, к ручью.

Осторожно спускается Кошкин, прячется за валунами, припорошенными снегом. Алый медленно ведёт, извивается напряжённо, как живая пружина. Он весь наполнен запахом врага, он видит его.

Вот Алый расстелился по земле – и прыгнул, застыл в воздухе на секунду и рухнул на врага.

Тот упал, но вывернул назад руку и выстрелил в Алого – раз, другой, третий...

Алый вырвал пистолет, и металл будто треснул в его зубах, как чёрная кость.

Кошкин ударил врага, скрутил ему руки, потом глянул на Алого и схватился за голову. Без движения лежал Алый на снегу.

Алый был жив, когда Кошкин принёс его на заставу. Пули не задержались в его теле – вылетели вон. Алый тяжело дышал, и глаза его то просветлялись, то становились мутными. Кошкин глядел в них и не знал, видит ли его Алый. Но Алый видел Кошкина.

–„Умрёт он“, – сказал фельдшер. Но Кошкин не поверил. Он гладил Алого по голове и рассказывал, что скоро получит из дому посылку, а там чего только не будет: и колбаса, и сало, и коржини. – „То-то пожуём“.

„Жалко мне тебя, Кошкин", – подумал Алый, но не сумел додумать, почему он жалеет Кошкина. Алый вздрогнул два раза и умер. А Кошкин никак не мог понять, что Алый умер. Он гладил его и говорил: „И колбаса там будет, и сало, и коржики ...".

КОНЕЦ

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор
А. Морозов

Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, 101000,
Старосадский пер., дом № 7

Цветной 0-30

Д-014-72